

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(063)

М. В. Талашов

К вопросу о смене власти в Киеве в начале 60-х гг. X в.

Статья посвящена проблеме перехода верховной власти из рук княгини Ольги к ее сыну, киевскому князю Святославу. Особое внимание уделяется миссии Адальберта Магдебургского, прибывшего в Киев по просьбе правительницы в качестве епископа. Автор доказывает, что призыв святителя из Германии стал способом дипломатического давления на Византию, посредством которого княгиня стремилась к созданию на Руси автокефальной архиепископии. Воспринимая епископа от светского монарха Европы, Ольга избегала возможных трений с папским престолом и гарантировала права верующих, крещенных по византийскому обряду. Тем не менее, именно приезд Адальберта стал одной из причин ослабления политических позиций Ольги, чьей опорой являлась христианская община Киева, ориентированная на Константинополь и восточную церковь. Источники позволяют сделать вывод об остром конфликте между правительницей и ее сыном, на длительный срок отстраненным матерью от власти. Поставление Адальберта в епископы закономерно приводило к обострению конфессиональных отношений в стране, что было выгодно оппозиции. В условиях конфронтации со Святославом, очевидно, выражавшим интересы языческого большинства, Ольга вынуждена была отказаться от политики христианского просвещения и отстраниться от управления государством.

Ключевые слова: княгиня, правительница, князь, епископ, автокефальная архиепископия, миссия, власть, регент, святитель, наследник, совершеннолетие.

M. V. Talashov

To the Question of Power Change in Kiev in the beginning of the 60-s in the X century

The article is dedicated to the problem of passing the supreme power from grand duchess Olga to her son, grand duke Svyatoslav. The author focuses his attention on the mission of Adalbert from Magdeburg, who came to Kiev as a bishop at Olga's request. The author argued that impleading of Adalbert was a method of political pressure on Byzantium which should lead to formation of Russian autocephalous archiepiscopacy. This diplomatic move became the reason of weakening of Olga's political positions, that depended on the Christian community of Kiev that was under the influence of Constantinople and Orthodox Church. Adalbert's coming worsened confessional relations in the country. Under conditions of confrontation with her son Svyatoslav, who was removed from leadership by her mother but who was evidently stooging for the interests of pagan majority, the grand duchess abandoned the policy of Christian enlightenment and retired.

Keywords: grand duchess, ruler, grand duke, bishop, autocephalous archiepiscopacy, mission, power, regent, prelate, heir to the throne, legal adulthood.

Правление княгини Ольги на Руси давно рассматривается историками как один из наиболее значимых этапов в процессе становления восточнославянской государственности. В заслугу княгине ставят проведение первой в истории нашей страны налоговой и административной реформы, осуществление успешной политики христианского просвещения, укрепление дипломатических контактов с Византийской империей. Даже блистательные победы Святослава Игоревича исследователи склонны считать итогом успешных преобразований Ольги. Вместе с тем, ученым до сих пор не известен целый ряд деталей, связанных с этой эпохой. Не установлены цели поездки княгини в Константинополь, не яс-

на ее роль в судьбе Игоря, характер взаимоотношений с собственным сыном и т. д. Последний вопрос представляет особую актуальность, поскольку причины столь длительного пребывания Ольги у власти в летописях не раскрываются. Практически нет информации об обстоятельствах, побудивших Святослава взять бразды правления в свои руки. Некоторые разъяснения на сей счет может дать изучение миссии Адальберта, прибывшей в Киев, очевидно, в конце 961 – начале 962 г., то есть в период перехода власти от Ольги к повзрослевшему наследнику Игоря.

Святой Адальберт Магдебургский родился около 910 г. в Лотарингии. Он вошел в историю как известный историк, учитель слова Христова,

первый епископ г. Магдебурга, а также первый христианский епископ, побывавший на территории Руси. В 953 г. Адальберт поступил на службу к будущему императору Священной Римской империи Оттону I, а в 958 г. постригся в монахи в г. Трире. Именно с этого момента его судьба оказалась связана с историей Киевского государства. В «Хронике» Регинона Прюмского говорится, что в 959 г. ко двору Оттона I прибыли «послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе», и «просили назначить их народу епископа и священников». В ответ на просьбы киевского правительства монах Либуций из обители св. Альбана был посвящен в епископы «для народа ругов». Однако в феврале 961 г. Либуций скоропостижно скончался, так и не успев выполнить своей пастырской миссии. «На должности его сменил, по совету и ходатайству архиепископа Вильгельма, Адальберт из обители святого Максимиана, который, хотя и ждал... лучшего и ничем никогда... не провинился, должен был отправляться на чужбину. С почестями назначив его епископом к народу ругов, благочестивейший король, по обыкновенному своему милосердию, снабдил его всем, в чем тот нуждался» [13, с. 107, 108].

Исследователи продолжают спорить о целях, которые преследовала Ольга, налаживая дипломатический контакт с Оттоном I. С точки зрения А. С. Королева, княгиня надеялась на поддержку Германии в конфликте Руси с мадьярами за обладание моравскими территориями [5, с. 180–181]. Более взвешенную позицию высказал М. Б. Свердлов, по мнению которого, «Ольга стремилась укрепить христианскую организацию на Руси, заменив стихийно сложившуюся систему христианских общин во главе с причтом соборной церкви св. Ильи епископией во главе с епископом, поставленным верховной в христианском мире светской властью императора» [10, с. 213]. Гипотеза М. Б. Свердлова подталкивает к установлению взаимосвязи между посольством русов в Германию и поездкой Ольги в Константинополь, задачи которой до сих пор остаются предметом дискуссии для отечественных специалистов. Интересно, что уже в 40–50-х гг. прошлого века советские исследователи отвергли крещение как главную цель посещения княгиней Цареграда. Более того, значительная часть советских историков (в их числе В. В. Мавродин, В. Т. Пашуто и А. В. Назаренко) считала, что Ольга вела переговоры с греками, намереваясь

вести на Руси христианство. Ближе всех к решению проблемы подошел М. С. Грушевский, который еще в 1904 г. попытался выявить общую цель дипломатических контактов руссов с властями Германии и Византии. По мнению ученого, Ольга отправилась в Константинополь в надежде получить санкцию базилевса на создание в Киеве автокефальной архиепископии, однако положительной реакции добиться не смогла. Закономерным следствием этого провала стало обращение правительницы с аналогичной просьбой к Оттону I [2, с. 405–406].

Начало переговоров с немцами следует считать одной из наиболее продуманных акций, предпринятых княгиней в сфере внешней политики. Во-первых, Ольга оказывала мощное давление на Константинополь, который всеми средствами препятствовал признанию императорского титула за германскими королями. Оттон I, венчавшийся императорской короной лишь в феврале 962 г., теперь считал Киев своим союзником и мог рассчитывать на его помощь в нейтрализации Византии. Последняя должна была обеспокоиться дальнейшей судьбой своих взаимоотношений с русами и предпринять меры к смягчению возникшей напряженности. Подчеркнем, что, обращаясь к германскому королю, Ольга не расторгала ни одного соглашения с греками, заключенного ранее ее предшественниками, тем самым создавая все условия для достижения компромисса. В то же время княгиня избегала крайне неблагоприятной перспективы подчинения киевской церковной организации папскому престолу: Русь воспринимала епископа не из Рима, а от светского монарха, в силу чего возможность возникновения конфликта юрисдикций была практически исключена. Таким образом, даже в вопросах религиозного характера Ольга создавала пространство для необходимого маневра, используя авторитет германского короля в случае столкновения с церковными властями.

Интересно, что приезд и последующая деятельность Адальберта на русской земле не должны были ущемлять духовных интересов и потребностей киевлян, уже обратившихся в христианство, благодаря активности прибывших из Византии и Дунайской Болгарии миссионеров. В середине X столетия римские папы еще мирились с элементами греческого обряда, допускали богослужение и издание священных книг на родном языке ради окончательного торжества христианской веры и уничтожения язычества [10, с. 215]. С этой точки зрения, дипломатия Ольги

кажется максимально эффективной. Без сомнения, княгиня имела все шансы на успех и могла «продать» свой сценарий христианизации Руси. Ощущая потребность в военном союзе с русскими, греки, сдерживавшие натиск мусульман в Малой Азии и на ближнем Востоке, а также опасавшиеся за безопасность своих владений в Крыму, вряд ли решились уступить свое место немцам в создании церковной организации у восточных славян.

Для реализации планов княгини отправленный к руссам епископ должен был, по крайней мере, начать проповедь христианства в Киеве. Однако миссия Адальберта потерпела полный крах. Под 962 г. в «Хронике» Регинона Прюмского сказано: «В это же лето Адальберт, назначенный епископом к ругам, вернулся, не сумев преуспеть ни в чем из того, чего ради он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты, сам же он, после больших лишений, едва спасся» [13, с. 108]. «Кведлинбургские анналы», упоминая о проповеди подвижника среди восточных славян, заявляют, что он «не избежал смертельной опасности от их козней» [4]. Еще более конкретизирует ситуацию «Хроника» Титмара Мерзебургского, в которой говорится об изгнании Адальберта язычниками [12]. Последний факт особенно примечателен, если принять во внимание покровительственную политику Ольги в отношении христианской общины в Киеве. Резонно предположить, что в случае пребывания у власти княгиня не допустила бы подобного инцидента. И наоборот, попытка расправы над епископом могла иметь место, если мать уступила бразды правления сыну Святославу, убежденному язычнику и противнику христианства. Таким образом, провал миссии Адальберта оказался тесно связан с вопросом о сроках завершения регентства Ольги и перехода власти в руки законного наследника Игоря.

Ряд дореволюционных, советских и современных российских исследователей (М. Д. Приселков, М. С. Грушевский, В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков, М. Б. Свердлов и т. д.) видел главную причину неудачи германского проповедника в некоем перевороте, который совершили приверженцы язычества в Киеве, возглавляемые Святославом. При этом изгнание Адальберта рассматривалось, по сути, как первая из череды запретительных мер, преследующих целью ограничение на Руси христианства. Интересно, что летописи начинают рассказ о само-

стоятельных деяниях князя только с 964 г. и сразу связывают их со сферой внешней политики: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно *пардус*, и много воевал...» [7, с. 167–168]. Точная дата и обстоятельства, при которых Ольга отстранилась от управления государством, древнерусским источникам неизвестны. Однако под тем же 964 г. «Повесть временных лет» сообщает о первом походе Святослава на вятичей. Князь вряд ли решился на предприятие, неминуемо втягивавшее его в конфликт с Хазарией, в обстановке продолжающейся политической борьбы в Киеве. Напротив, судя по военным приготовлениям, сын Игоря чувствовал себя вполне уверенно, чтобы пересечь территорию племенного союза, а затем разгромить каганат и его союзников на Волге. Восточный поход продлился до 966 г., когда князь предпринял очередное вторжение в принадлежащие вятичам земли и добился их включения в состав Русского государства. Подобная длительная экспедиция была возможна только в условиях внутренней стабильности, гарантировавшей сохранение великокняжеского стола за Святославом.

Что же заставило Ольгу оставить власть и уступить место правителя сыну? Летописная формулировка («когда Святослав вырос и возмужал») может создать иллюзию завершения регентства княгини в связи с достижением совершеннолетия законным наследником Игоря. Однако более пристальное изучение источников вызывает сомнение в подобном сценарии развития событий. По свидетельству Ипатьевского списка, Святослав появился на свет в 942 г. Но в других летописях это сообщение отсутствует, о дате рождения князя упоминаний нет. Интересно, что заключение брака Игоря и Ольги «Повесть временных лет» относит к 903 г. Таким образом, правящая чета в течение 39 лет оставалась бездетной, а сама княгиня ко времени рождения Святослава была уже достаточно пожилой женщиной.

Подобные неувязки в летописном тексте не остались незамеченными историками. Одно из наиболее правдоподобных объяснений высказал Б. А. Рыбаков, попытавшийся установить возраст Ольги на основе сообщений Константина Багрянородного, характеризовавшего княгиню как молодую и энергичную правительницу. «Замуж в Древней Руси выходили обычно в 16–18 лет. Ольга по этим расчетам родилась в 924–927 гг. В момент бесед с Константином ей должно было быть

28–32 года» [9, с. 369]. Данная гипотеза действительно подтверждает летописную хронологию, ставя под сомнение лишь дату бракосочетания Игоря и Ольги. Однако она не позволяет выяснить причины, по которым княгиня передала кормило власти Святославу так поздно, только по достижении им 20-летнего возраста. К этому моменту он уже давно считался совершеннолетним. Неясными остаются и другие факты из биографии Святослава. Во-первых, по данным византийских источников, молодой князь выполнял функции новгородского наместника еще в период правления Игоря [1, с. 45]. Во-вторых, летописи упоминают о Вуефасте, доверенном лице Святослава в составе посольства Игоря, направленном в Константинополь для подписания мира и нового торгового договора с греками в 944 г. [7, с. 160]. Это значит, что княжич располагал собственной дружиной и имел возможности для защиты политических и экономических интересов управляемого им региона. Третьим аргументом против версии Б. А. Рыбакова является возраст Святославичей, которым было доверено управление Киевской, Древлянской и Новгородской землей после смерти Ольги в связи с длительными отлучками отца, занятого войной на Балканах. «Если учесть, что в условиях нестабильного X в. на самостоятельное княжение они могли быть определены не раньше достижения 15–16 лет, то окажется, что их отцом Святослав стал уже к 12 годам. То, что “мальчики” Святослава были взрослыми мужчинами, видно из того, что самое позднее в 969 г. Святослав привел старшему из них Ярополку в жены плененную “грекиню”, которая позднее родила Святополка Окаянного» [5, с. 144].

Интересно, что великий русский историк XVIII столетия В. Н. Татищев считал датой рождения Святослава 920 г. Действительно, первая Новгородская летопись упоминает о рождении князя лишь в недатированной части, после сообщения о браке Игоря и Ольги. Следующие сообщения летописи начинают датироваться с 920 г., под которым упомянут первый поход Игоря на Константинополь, состоявшийся на самом деле позднее [11, с. 40, 217]. Несмотря на эту ошибку, приводимая в источнике последовательность событий в соединении с указанной датой более успешно объясняет отмеченные выше противоречия, чем версия Б. А. Рыбакова. Изучая текст Ипатьевского списка, О. М. Рапов заметил, что рождение Святослава летописец относит ко времени смерти болгарского царя Симеона, то есть к 927 г. [8]. А это значит, что к моменту первого

вторжения в землю вятичей и подготовки к Восточному походу князь далеко не был малолетним. По самым скромным расчетам, ему перевалило за тридцать. Совершеннолетия же Святослав достиг буквально накануне гибели Игоря и в дальнейшем должен был править самостоятельно, без поддержки со стороны матери. Однако последующие почти два десятилетия вошли в историю как период регентства Ольги, что с еще большей остротой ставит вопрос о причинах столь долгого пребывания княгини у власти, а также характере ее взаимоотношений с сыном. Необходимо подчеркнуть, что в западных хрониках Ольгу называют «королевой ругов», не упоминая при этом Святослава. Абсолютно верным в таких обстоятельствах представляется мнение А. С. Королева, согласно которому княгиня заняла киевский престол как правительница, а не как воспитательница малолетнего наследника [5, с. 147].

К сожалению, по источникам сложно судить о факторах, позволявших Ольге удерживать ведущие позиции в сфере государственного управления. Один из них, вероятно, выразился в остром конфликте, вспыхнувшем между сыном и матерью на почве религиозных разногласий. «Повесть временных лет» делает особый акцент на нежелании Святослава обратиться в христианскую веру: «Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и учила его принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмеялся над тем... Ольга часто говорила: “Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь – тоже станешь радоваться”. Он же не внимал тому, говоря: “Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмеяться”» [7, с. 167]. Особую актуальность для характеристики отношений, сложившихся в великокняжеском семействе, имеет трактат Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора», в котором базилиевс, подробно описывая состав свиты княгини, упоминает о некоем «анепсии», то есть племяннике либо двоюродном брате правительницы.

По свидетельству Константина, анепсий занял наиболее почетное место в окружении Ольги. Так, на званом обеде в Золотой палате в качестве дара от императора ему было вручено 30 милларисиев, в то время как восьми приближенным княгини выдали по 20 милларисиев, прибывшим с нею купцам – по 12, а священнику Григорию – 8. Меньше всех получили люди Святослава, ко-

торым было вручено всего по 5 миллиарисиев [3, с. 319]. На торжестве в пентакувуклии св. Павла Ольга получила от семьи базилевса 200 миллиарисиев, ее неизвестный родственник – 20, Григорий – 8, «приближенные женщины» и переводчики – по 12 миллиарисиев на человека [3, с. 320]. Послы Святослава Игоревича на этот прием даже не были допущены. Любопытно, что их положение в свите княгини базилевс посчитал даже менее престижным, чем положение славянских переводчиков. Низкий статус Святослава можно объяснить только тем, что в период пребывания Ольги в Константинополе он еще не считался наследником престола. Скорее, данную роль исполнял неназванный источниками племянник или двоюродный брат правительницы. В данных условиях приверженность Святослава язычеству, вероятно, являлась своеобразной демонстрацией его оппозиционности матери. Источники не позволяют установить личность анепсия Ольги. Со значительной долей допущения можно предположить, что княгиня прибыла в Византию в сопровождении Олега Моравского, о котором упоминает средневековый чешский историк Томаш Пешина в своем сочинении "Mars Moravicus" (1677 г.). Пешина сообщал, что Олег бежал за пределы Киевского государства, опасаясь преследований. В 940 г. его избрали князем Моравии, однако уже через 9 лет страну захватили мадьяры и Олег вынужден был перебраться в Польшу под защиту своего союзника, короля Земомысла. Желая умереть на Руси, князь вернулся в родные края в 967 г. [6]. Результаты археологических раскопок позволяют скорректировать дату возвращения Олега на родину. По данным С. С. Ширинского и Б. А. Рыбакова, дружинные захоронения вблизи Киева и Чернигова, относящиеся к первой половине X столетия, соответствуют таковым на территории Великоморавского государства, а значит, принадлежат выходцам из этой земли либо крещеным мораванами руссам [5, с. 169]. Следовательно, Олег мог прибыть на Русь раньше указанного срока вместе с беженцами из разрушенной мадьярами Моравии и сопровождать Ольгу в ее поездке в Константинополь.

Очевидно, что Ольга не видела в Святославе человека, достойного занять киевский великокняжеский стол. Однако в описании событий начала 60-х гг. все внимание летописи сосредоточено на Святославе, о его матери источник упоминает лишь в связи с набегом печенегов на Киев в 968 г. и последующей кончиной княгини. По всей видимости, правительница вынуждена была

передать власть сыну вопреки собственным желаниям. По мнению А. С. Королева, Ольга управляла государством до самой своей смерти в феврале 969 г. На это, с точки зрения исследователя, указывает преемственность внешней политики Руси в 40–50-х и 60-х гг. X в. [5, с. 226]. Данная точка зрения вызывает ряд закономерных возражений. Для дипломатии Ольги были характерны союз с Византией, невмешательство в вооруженные конфликты, отказ от внешних войн и агрессии, не свойственный Святославу. Восточный поход князя против Хазарии значительно укрепил позиции Руси в Северном Причерноморье, вблизи непосредственных границ империи, чего Константинополь стремился избежать, в том числе, посредством включения соответствующих статей в русско-византийские договоры. Отношения между двумя державами испортились еще при жизни Ольги. По свидетельству В. Н. Татищева, использовавшего целый ряд не сохранившихся ныне источников, во время вынужденного отбытия Святослава в Киев для отражения печенегов в Болгарии произошли волнения, по причине которых воевода Волк вынужден был оставить Переяславец и уйти из города. Назвал историк и причину выступлений: «Уведав же Святослав от плененных болгар, что греки болгар на него возмутили» [11, с. 51]. Интересно, что в июле того же 968 г. на греческую Фессалонику обрушились мадьяры, впоследствии активно помогавшие князю в борьбе с Византией.

Таким образом, в начале 60-х гг. X в. политическая ситуация в Киеве резко изменилась. Предпринятая Ольгой попытка установления дипломатических контактов с правительством Оттона I, безусловно, позволяла, посредством давления на Византию, добиться создания на Руси автокефальной архиепископии. Однако призыв святителя из Западной Европы ослабил позиции христианской общины в Киеве, ориентировавшейся на Константинополь и восточную церковь. Действия Ольги и приезд Адальберта в столицу максимально обострили конфессиональные противоречия в стране и тем самым ускорили переход верховной власти от княгини в руки ее сына, Святослава.

Библиографический список

1. Багрянородный Константин. Об управлении империей [Текст] / Константин Багрянородный. – М., 1991.
2. Грушевский, М. Історія України-Руси [Текст] / М. Грушевський. – У Львіві, 1904. – Т. I.

3. Из сочинения Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» [Текст] // Королев, А. С. Загадки первых русских князей. – М., 2002. – С. 318–320.

4. Кведлингбургские анналы // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Quedlinb/text3.phtml?id=10254 (дата обращения: 12.03.2014).

5. Королев, А. С. Загадки первых русских князей [Текст] / А. С. Королев. – М., 2002.

6. Олег Моравский // RU. WIKIPEDIA.ORG: Википедия, свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Олег_Моравский (дата обращения: 12.03.2014).

7. Повесть временных лет [Текст] / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 1996.

8. Рапов, О. М. Когда родился великий князь Святослав Игоревич [Текст] / О. М. Рапов // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 1993. – № 4. – С. 92–96.

9. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. [Текст] / Б. А. Рыбаков. – М., 1993.

10. Сverdlov, M. B. Домонгольская Русь [Текст] / М. Б. Сverdlov. – М., 2003.

11. Татищев, В. Н. История Российская [Текст] / В. Н. Татищев. – М.; Л., 1963. – Т. 2.

12. Титмар из Мерзебурга. Хроника // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Thietmar/frameset2.htm> (дата обращения: 12.03.2014).

13. Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением [Текст] // Назаренко, А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. – М., 1993. – С. 101–130.

2. Grushevskij, M. Istoriya Ukraini-Rusi [Tekst] / M. Grushevskij. – U L'vivi, 1904. – T. I.

3. Iz sochineniya Konstantina Bagryanorodnogo «O tseremoniyakh vizantijskogo dvora» [Tekst] // Korolev, A. S. Zagadki pervykh russkikh knyazej. – M., 2002. – S. 318–320.

4. Kvedlingburgskie annaly // Vostochnaya literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada [EHlektronnyj resurs]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Quedlinb/text3.phtml?id=10254 (data obrashheniya: 12.03.2014).

5. Korolev, A. S. Zagadki pervykh russkikh knyazej [Tekst] / A. S. Korolev. – M., 2002.

6. Oleg Moravskij // RU. WIKIPEDIA.ORG: Vikipediya, svobodnaya ehntsiklopediya [EHlektronnyj resurs]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Oleg_Moravskij (data obrashheniya: 12.03.2014).

7. Povest' vremennykh let [Tekst] / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D. S. Likhacheva; Pod red. V. P. Adrianovoj-Peretts. – Spb.: Nauka, 1996.

8. Rapov, O. M. Kogda rodilsya velikij knyaz' Svyatoslav Igorevich [Tekst] / O. M. Rapov // Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya. – 1993. – № 4. – S. 92–96.

9. Rybakov, B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [Tekst] / B. A. Rybakov. – M., 1993.

10. Sverdlov, M. B. Domongol'skaya Rus' [Tekst] / M. B. Sverdlov. – M., 2003.

11. Tatishev, V. N. Istoriya Rossijskaya [Tekst] / V. N. Tatishev. – M.; L., 1963. – T. 2.

12. Titmar iz Merzeburga. KHronika // Vostochnaya literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada [EHlektronnyj resurs]. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Thietmar/frameset2.htm> (data obrashheniya: 12.03.2014).

13. KHronika Reginona Pryumskogo s Trirskim prodolzheniem [Tekst] // Nazarenko, A. V. Nemetskie latinoyazychnye istochniki IX–XI vekov. – M., 1993. – S. 101–130.

Bibliograficheskij spisok

1. Bagryanorodnyj Konstantin. Ob upravlenii imperiej [Tekst] / Konstantin Bagryanorodnyj. – М., 1991.